

18+

Олег Минкевич

ПЕРЕЗАГРУЗКА КАРЛА ПЕТР ВИЧА

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Олег Минкевич

**Перезагрузка Карла
Петровича. Сборник
юмористических произведений**

«Издательские решения»

Минкевич О.

Перезагрузка Карла Петровича. Сборник юмористических произведений / О. Минкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854185-8

«Перезагрузка Карла Петровича» — это сборник смешных историй, причудливых ситуаций, полных, несмотря на сопутствующую им невероятность, знакомых нам картин действительности. Эта книга для смешливых, ироничных и самоироничных людей, которым не чужды и нравственный закон, и звёздное небо.

ISBN 978-5-44-854185-8

© Минкевич О.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Перезагрузка Карла Петровича	7
Курортные записки	11
Новоселье	14
Невидимка	17
Рассмешить Черчилля	21
Купидоново счастье	25
Роковой переулок	28
Две музы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Перезагрузка Карла Петровича

Сборник юмористических произведений

Олег Минкевич

© Олег Минкевич, 2019

ISBN 978-5-4485-4185-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Когда-то, встретившись с писателем Буниным, Антон Павлович Чехов высказал мысль, что из готового рассказа «следует вычёркивать его начало и конец», ибо «тут мы, беллетристы, больше всего вре́м...»

Я не знаю, где и сколько наврал я (писательская увлечённость нередко затеняет ясный взор), пусть об этом судит читатель. Но я надеюсь, что среди фантазмагорий, гротескных образов, юродствующих и комических персонажей он найдёт для себя островки полезной истины, отстоящей от губительных правд человечества.

...человек был создан в последний день творения, когда Бог уже утомился.

Марк Твен

– Прежде чем ответить на ваш вопрос о смысле жизни, – сказал переводчик, – учитель желает сказать несколько слов о народном образовании в Индии.

– Передайте учителю, – сообщил Остап, – что проблема народного образования волнует меня с детства.

Ильф и Петров

Перезагрузка Карла Петровича

Подходя к дверям робомаркета «Prime fusion», Анатолий Иванович Жиляхин очень нервничал: несмотря на то что плоды научно-технического прогресса давно маячили пред его глазами, он ещё никогда не покупал робота.

Войдя в весьма просторное помещение, освещённое холодным светом неоновых ламп, Жиляхин подивился разнообразию моделей электронных автоматов: белые, чёрные, разноцветные, различных форм и функций, сотворённые из несходных материалов, роботы заполняли ослепительный и оживлённый зал «Prime fusion». Одни молча стояли, мигая маленькими цифровыми глазками, другие голосили, восхищая пришедших своей учтивостью и интеллектом, третьи, активно жестикулируя, прохаживались по белым лакированным подиумам, выкаывая имитацию человеческого озорства. Шустрые консультанты, облачённые в серебристые костюмы с логотипом «Prime fusion», с сияющими намётанными улыбками сновали по залу в стремлении угодить потенциальным покупателям.

Раскрыв в удивлении рот, Жиляхин стоял на месте, водя по сторонам головою. Как тонкий весенний цветок, пред ним, будто пробившись сквозь белые плиты пола, выросла приятная, улыбчивая девушка с белоснежным полчищем трясущихся буклей и рядами пышных ресниц, покрытых серебряным блеском.

– Добрый день! – проговорила она. – Вам что-нибудь подсказать?

Жиляхин закрыл рот и открыл его снова, чтобы что-то сказать, но девушка его опередила:

– Вы, наверное, хотите сделать покупку?

Жиляхин кивнул.

– Судя по всему, эта будет ваша первая покупка робота? – смекнула девушка, видя растерянность Жиляхина.

– Да, – робко сказал Жиляхин.

– Да не волнуйтесь вы так! Каждый когда-нибудь впервые покупает робота. – Девушка махнула рукой. – У меня было точно так же. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я пришла в «Prime fusion» и купила своего первого робота. Тогда их делали только из пластика и металла и они плохо владели русским языком. Мой Альберт (модель «Эпсилон-11»), к примеру, всё время говорил: «Таня, у нас течёт кран»; «Таня, я подмёл пол в коридоре». Я ему сколько раз говорила: «Альберт, не течёт, а текёт; не в коридоре, а в калидоре». Он никак не мог усвоить это в своей памяти. Слава богу, панели управления новых роботов позволяют корректировать их речь. Хочу порекомендовать вам модели классов «Б» и «ББ»; они говорят не только на русском, но и на шестнадцати языках мира, включая два диалекта шведского и армянский. Если вы любитель иностранных слов, настоятельно советую выбрать робота из этих классов. Помимо вложенных в них языковых знаний, они обладают рядом стандартных функций (уборка, готовка, стирка, оказание первичной медицинской помощи) и дополнительных, таких как сбор сплетен и поношение ваших недоброжелателей. Модели классов «Б» и «ББ» физически представляют собою металлический каркас в виде человеческого скелета, покрытый силиконом телесного цвета. Лица моделей классов «Б» и «ББ» обладают мимикой и часто ей пользуются, что, безусловно, является одной из причин их популярности среди покупателей.

Девушка тряхнула белоснежным полчищем буклей и хотела продолжить ознакомление Жиляхина с функциями и строением роботов «Prime fusion», но маленькая полная дама с румяными щеками, в лёгкой кружевной шляпке, подойдя к ней в сопровождении высокого улыбающегося робота, одетого в синий блестящий комбинезон, сердито сказала:

– Девушка, я недовольна!

Девушка со словами «прошу меня извинить» отвернула голову от Жилихина и воззрилась на полную румяную даму.

– Добрый день! Я вас слушаю, – приветливо сказала она.

– Вчера ко мне доставили вот это чудо. – Дама указала рукой на робота в комбинезоне, который смотрел в пустоту и улыбался. – Модель «ДУБ-8», класс «ББ». Мне сказали, что...

– Добрый день! Я рад вас видеть! – неожиданно произнёс робот и радостно прищурил глаза.

– Да помолчи ты! – рассердилась дама в шляпке. – И прекрати улыбаться! Сейчас не время.

Робот в сию же секунду сделался серьёзным.

– Когда я оформляла заказ, – продолжила дама, волнительно обмахивая себя рукою, – мне сказали, что модель «ДУБ-8» – модель «русского типа», в неё, как меня уверили, заложена русская основа. Но этот робот... этот робот... когда я его включила, он первым делом послал моего кота... Вы что, издеваетесь надо мною и над гражданами нашей страны? По-вашему, русская основа предполагает лишь всякую похабность? Это низко и антипатриотично! – Дама стала обмахивать себя двумя руками.

– Прошу вас, не волнуйтесь, – вежливо и улыбочиво сказала девушка. – В меню настройки модели «ДУБ-8» есть выбор социального класса. Скорее всего, вы выбрали класс, не соответствующий вашему культурному уровню.

– Да, я сперва не поняла, но очень скоро во всём разобралась, – отозвалась румяная дама. – Когда я переключила его на класс «элита», он стал разбавлять мат «чёрной икрой» и «курсом рубля». Это ничем не лучше того, что было до этого.

– Добрый день! Я рад вас видеть! – повторил робот и улыбнулся.

– В последний раз говорю тебе: замолчи!!! – Румяная дама погрозила роботу кулаком. Робот опять стал серьёзным.

– А как насчёт времени? Вы век ему выставляли? – спросила девушка и взглянула в неподвижные глаза робота.

– Время? Век? Вы о чём? – Румяная дама явно чего-то не понимала.

– У модели «ДУБ-8» есть функция «ментальность времени», – пояснила девушка, убрав рукою упавшую на лоб буклю, – она активируется через дополнительную панель управления робота, которая располагается под основной. Роботы думают по-современному, такие уж заводские настройки, но это можно изменить. В инструкции к эксплуатации об этом написано. Вы, видимо, это как-то пропустили. Ничего страшного, сейчас я вам всё покажу. Переведите его, пожалуйста, в спящий режим.

– Жора, спать, – сказала румяная дама, и робот, склонив голову, издал тихий протяжный звук и затих.

Девушка зашла робота за спину и нажала на маленькую чёрную кнопку, расположенную у него на затылке; из затылка тут же выскочила прямоугольная панель управления, усеянная крохотными рычажками и светящимися кнопками сенсорной клавиатуры. Отщёлкнув основную панель, она добралась до дополнительной и, повернув маленькое рифлёное колёсико, перезагрузила робота. Робот, подняв голову, радостно замигал маленькими глазками.

– «ДУБ-8»! Внимание! Тест, – сказала девушка, и робот, посмотрев на неё, сказал:

– . – Вдруг он вытянул перед собою руку и, словно вглядываясь в далёкую даль, лежащую за пределами робомаркета, добавил: – *Лице ж бы потяну быти, неже полонену быти О Руская земле, уже за шеломянем еси!*¹

Румяная дама сняла с себя шляпку и стала ей обмахиваться.

– Что это было? – недоумённо спросила она.

¹ «Слово о полку Игореве».

– Ой! – воскликнула девушка. – Кажется, я перекрутила колёсико... двенадцатый век. Минуточку, я сейчас всё исправлю.

Повторив ряд несложных действий, девушка снова перезагрузила робота.

– «ДУБ-8»! Внимание! Тест, – сказала она, и робот заговорил:

– Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты... – Робот приобнял свою хозяйку и продекламировал:

Румяная дама рассмеялась и, шутливо ударив робота шляпкой, сказала:

– Ах, какой ты шалун! А я и не знала, что у тебя есть такое колёсико. Благодарю вас, девушка, дома я обязательно хорошенько изучу эту дополнительную панель. Пойдём, Жора, нам пора.

Надев на себя шляпку, румяная дама в сопровождении своего робота, услаждавшего её слух стихами и комплиментами, покинула робомаркет.

Жиляхин, ставший свидетелем описанной сцены, отринув робость, сказал:

– Девушка, я решил, я хочу точно такого же, «русского типа».

В голове Анатолия Ивановича образовался образ робота-собутыльника, с которым он в досужий час будет перемывать косточки политикам, соседям и неверным жёнам.

– Значит, русского типа, хорошо, – улыбнувшись, сказала девушка и извлекла рабочий планшет. – Модель «ДУБ-8», класс «ББ». Сейчас посмотрю. Так... так... Да, на складе есть.

Жиляхин потянулся в карман за картой банка «Богатая Россия».

– Сто пятьдесят тысяч рублей, – сказала девушка.

– Сколько?! – удивился Жиляхин.

– Сто пятьдесят тысяч. Вы ведь сами попросили модель «русского типа».

– Да, попросил... – досадливо проговорил Жиляхин и взглянул на золотистую карту своего банка. – А подешевле что-нибудь есть?

– Подешевле? – Девушка призадумалась и стала накручивать буклю на тонкий пальчик. – Модели «ГРАБ-3» и «ТАП-4», класс «КУ». Это «садовые роботы», они окучивают огород и травят паразитов. Стоимость модели «ГРАБ-3» сто тринадцать тысяч рублей. «ТАП-4» на пять рублей дороже. Но если вы возьмёте эту модель до четырнадцати часов, наш магазин сделает скидку на пятьдесят рублей, плюс наногель для размягчения окаменевшего сахара в подарок.

Жиляхин с неловкостью кашлянул, почесал в затылке и снова посмотрел на золотистую карту.

– Можно взять в кредит, – поспешила посоветовать девушка.

– Нет, – твёрдо сказал Жиляхин. – А какая модель самая дешёвая?

В ослепительном свете женской улыбки блеснула пара презрительных лучиков.

– Модель «Бальзак-09». Жестяной корпус, индикатор романтичности, набор основных хозяйственных функций. Сорок тысяч рублей, дешевле не бывает, – сказала девушка, теряя интерес к покупателю. – Модель создана для одиноких женщин, нуждающихся в любви, поддержке и заботе.

– Но я ведь не... – начал было Жиляхин, но оборвал себя, он снова посмотрел на банковскую карту. – Скажите, а можно, чтобы он... ну... без всякой там романтики, чисто по хозяйству?

– Можно, в инструкции всё написано. – Девушка больше не улыбалась.

– Беру! – махнув рукой, сказал Жиляхин.

Однако понимание инструкции к эксплуатации робота не избавило Жиляхина от некоторых неприятных для него фраз, лежащих в основе электронной машины и не предполагающих возможность корректировки. К романтике робот не склонялся, не делал никаких намёков, но непрестанно называл Жиляхина «дорогая» и, вертя жестяной головой, каждый час предлагал ему кофе в постель.

Робота Жилихин назвал Карлом Петровичем – в честь школьного учителя, частенько вызывавшего его к классной доске. Жилихин заставлял робота чертить в альбоме равнобедренный треугольник и чётко произносить слово «гипотенуза». Карл Петрович, успешно справившись с заданием, говорил: «Дорогая, был рад тебе угодить».

Долго это «дорогая» продолжаться не могло, и в один прекрасный день Жилихин позвонил по телефону.

– Стёпа, привет! – проговорил он в трубку. – Я знаю, ты смыслишь в роботах. Можешь ко мне приехать? Поглядишь на моего. Есть небольшие проблемы.

Степан Степанович Хомурдяев, школьный приятель Жилихина, был большим искусником в робототехнике и не единожды на международных выставках передовых технологий демонстрировал свои изобретения.

– А чего ты ожидал? Это же «Бальзак-09». Он для того и создан, – сказал Хомурдяев и, постучав робота отвёрткой по голове, рассмеялся. Робот тут же предложил кофе. – А я бы ничего не менял, с таким весело жить. Как ты его назвал?

– Карлом Петровичем, – смущённо сказал Жилихин.

– А, ясенько, – без усмешки отозвался Хомурдяев.

– Ну, смейся. Чего ты?

– Зачем же? Я Карла Петровича хорошо помню. Тот ещё херувим был. Видать, любил он тебя. А я своего Бориской назвал. Физрука нашего помнишь, Бориса Макаровича? Гонял меня, подлец, по стадиону. Я робота дома заставляю гантели поднимать, он меня ещё благодарит. Как жизнь меняется! – Хомурдяев подмигнул. – Ну, Толя, что с твоим Карлом Петровичем делать будем?

– Для начала пусть прекратит мне «дорогая» говорить... и кофе тоже... сыт я уже им. – Жилихин призадумался. – Слушай, а можешь ты в него «русский тип» вложить. Я в магазине такую модель видел, но мне на неё денег не хватило...

– «Русский тип»? – Хомурдяев ухмыльнулся. – Ладно, Толя, посмотрим, что можно сделать. Покрутим, перезагрузим и поглядим.

После вмешательства Степана Степановича Хомурдяева во «внутренний мир» Карла Петровича робот прекратил говорить Жилихину «дорогая» и больше не предлагал ему подать кофе в постель. Кроме упомянутых изменений, Анатолий Иванович не замечал больше никаких перемен в поступках и речах учтивого автомата. Но так продолжалось недолго, ибо через неделю робот объявил, что в «калидоре» грязный пол.

Сударыня, здесь солнце слепит взоры,
Лучистый лик несносен для чела.
Скорее в парк, в тенистые просторы,
Где бродит тень Амурова крыла.

Курортные записки

Записки человека, которого ужалила оса

Записки человека, которого почти ужалила оса

Сегодня с Викой приехали в Волноморск. У нас две недели, чтобы отдохнуть. Начинаем сожалеть о своём выборе: прохладно, идёт дождь, на пляже только чайки. С любовью вспоминаем Турцию. *День 1-й.*

Разместились в «Седом плавнике». Удобно, хотя чего-то не хватает. Из окна виден маяк. Персонал средней руки: люди угодливые, но много болтают, за исключением китайских уборщиц (мне почему-то кажется, что они китайские, хотя я не уверен), уборщицы молчат и моют; моют и молчат.

От нечего делать начал дневник. Пишется туго, но пишется. Ручку взял у портье, верну завтра. Скучно. Вспоминаю Турцию.

В ванной комнате случилось ЧП. Вызвали сантехника.

Всё в порядке – Вика просто перепутала краны.

В семь часов из соседнего номера пришли немцы, любезно попросили соли. Я вспомнил Сталинград – и дал твёрдый отказ.

Вечер. Сидим в гостинице, ждём погоды, вспоминаем Турцию. Дождь не прекращается. Вика ворчит, слушает шансон и пересчитывает платя.

За окном засветился маяк. Ложимся спать.

. Всю ночь снилась Турция. После обеда выглянуло солнце, пошли на пляж. Надежды не оправдались – вода холодная, беспокойная. Проклиная Нептуна, я вышел на берег. На берегу Вика улыбалась махачкалинскому штангисту. Я потребовал развода. Она объяснила, что улыбка была сардонической и что мои упрёки совершенно беспочвенны. Я не поверил. Вика поклялась выбросить свою косметичку, если сочту её неверной супругой. Я не выдержал, моё сердце смягчилось, мы обнялись и отправились в гостиницу, вспоминая Турцию. *День 2-й*

Почему-то не хочется возвращать ручку портье. Ищу причину своего нежелания.

. Сегодня были в шашлычной. Играла музыка, дымили мангалы, светило солнце. Незнакомый человек, подойдя к нашему столику, предложил валидол. Именно так мы подумали в первый момент. Однако всё оказалось совсем по-другому. Обратившегося к нам человека зовут Валидол Гегамович Хочучян, он является полноправным (что подчеркнул) хозяином музыкальной шашлычной. Валидол Гегамович угостил нас вкусным вином, произнёс несколько красноречивых тостов и рассказал, как сподвижники Колумба перед началом первой экспедиции вывезли из Армении клубни картофеля, чтобы посадить их на полях Нового Света, а уже оттуда, заверил рассказчик, картофель попал в Европу. По мнению Хочучяна, именно благодаря Армении полярники сейчас имеют возможность есть картошку. Завершая свою речь, хозяин шашлычной пригласил нас на свадьбу какого-то Керопчика, добавив, что, если мы откажемся принять предложение, он спрыгнет вниз головой с Арарата. Подумав, мы вежливо отказались, сославшись на язву. *День 3-й*

Решил не возвращать ручку портье, если он сам не попросит.

Утром пришёл Хочучян, принёс халву (ума не приложу, как нас нашёл), сказал, что Керопчик обиделся, потому что мы не пришли на его свадьбу. Знать бы ещё, кто такой Керопчик. Хочучян предложил полетать на вертолёте, сказал, если мы откажемся, он от обиды стогрит в мангале. Подумав, мы вежливо отказались, сославшись на насморк. *День 4-й.*

Столкнулся с портье, он ничего не сказал. Продолжаю стоять на своём решении.

Весь день бегали от Хочучяна: хотел с Керопчиком покатать нас на катере. Мы сказались больными и дали отказ. Хочучян настаивал, уверяя нас, что армянский коньяк «сделает весь микроб» и мы тут же поправимся. Мы объяснили, что в нашем случае коньяк не поможет, и скрылись в номере. Хочучян вызывал доктора. Мы не открыли дверь, сославшись на поломку замка. Хочучян хотел вызвать слесаря, но мы убедили его, что справимся своими силами. Прежде чем уйти, Хочучян предложил завтра навестить его племянника Хоренчика, который руководит уборкой вольеров в волноморском зоопарке. Мы нехотя согласились. *День 5-й.*

В семь часов постучались: за дверью шёпот, говорят по-немецки. Вспомнив Сталинград, принципиально решил не открывать, к тому же были подозрения, что поблизости Хочучян.

Сидим как на иголках, ждём Хочучяна. За окном невыносимо кричат чайки. Вика подбирает наряд для зоопарка. *День 6-й.*

Полдень. Хочучяна всё нет. Решаем отправиться на пляж.

Пришли на пляж. Шашлычная закрыта. Узнали, что Хочучяна задержали в зоопарке при попытке объяснить жирафу, что его предки вышли из Армении.

Говорил с портье о погоде, ни слова о ручке.

В полночь началась гроза. Плохие предчувствия.

Предчувствия оправдались. Пишу с трудом. Утром пошли на рынок за арбузом и меня ужалила оса, в самый лоб. Больно, весьма больно. Голова гудит и идёт кругом. Кажется, начался энцефалит. На всякий случай составил завещание: всё имущество оставляю моей жене, за исключением юношеских кроссовок, которые завещаю волноморскому детскому дому. Если это мои последние строки, прошу всех, кто имел со мною знакомство, не поминать лихом Семёна Лохотрясова. Всего наилучшего, ваш С.Л. *День 7-й.*

Я жив. Всю ночь снились осы и китайские уборщицы. После завтрака ощутил прилив сил, захотелось творить добро. По собственному желанию вступил в бригаду волонтеров. Хорошие ребята, сдружился со всеми. До пяти часов носили кирпичи для строительства Дворца Депутатов. Когда наступил перерыв, я отказался от бесплатного угощения в пользу голодающей бедноты суринамских трущоб. Возвращаясь в гостиницу после трудового дня, пожертвовал пятьсот рублей на строительство волноморской овчарни и двести рублей на развитие общества поддержки малого бизнеса. *День 8-й.*

Вика, узнав, чем я был занят целый день, назвала меня «дураком» и легла спать, не сделав мне (впервые за пять лет совместной жизни) массажа берцовых костей.

С каждым часом возрастает желание творить добро. Услышал по радио: Южная Корея находится во власти страшного тайфуна. Появился порыв взять билет до Сеула. Сдержался. Выйду на улицу, поищу себе применения. *День 9-й.*

Вечер. Я весь в слезах. Переводил бабушку через дорогу, случайно наткнулся на филармонию. Купил билет. Полный зал. В программе: Мендельсон. Концерт растрогал. Скрипка проникла в душу. Выйдя из филармонии, продолжал аплодировать.

Вернувшись, понёс ручку портье. Сказали: уволился. Мне стало совестно.

Купил скрипку, хочу играть. Вика сказала, что я не в себе, и позвонила своей матери – доложила. Я не сержусь, она просто не понимает, что такое живая музыка. *День 10-й.*

Пытаюсь играть. Вика убежала из номера. На звуки моей скрипки явились немцы; они-то знают толк в настоящей музыке. Немцы сказали, что у меня хорошо получается, что исполняемый мною опус является шедевром атональной музыки, и спросили, как давно я овладел серийной техникой Шёнберга. Я сказал, что только учусь, и предложил им соль, сахар и все специи, какие только были в номере. Они сказали, что у них всё есть, ещё раз похвалили мою игру и ушли к себе.

Вернулась Вика, пригрозила разводом и снова ушла. Злитесь. Но я ей прощаю, она просто не понимает, что такое серийная техника Шёнберга.

Пришёл Хочучян (его вчера выпустили). Я достал скрипку и показал ему, как ловко (хоть и новичок) умею обращаться с этим удивительным инструментом чертей и небожителей. Я сказал, что наши немецкие соседи по заслугам оценили мои старания, и пообещал завтра прийти к нему в шашлычную со скрипкой. Странно, но мне показалось, что Хочучян ушёл быстрее обычного. Наверное, у него дела. Ничего, завтра я сыграю ему то, что не успел сегодня.

Ночью приснился Паганини, отдающий мне поклоны. Было очень лестно и приятно. Надеюсь, что грядущей ночью мне не приснится Сальери. *День 11-й.*

Вика не хочет со мною разговаривать. Я думаю, это от зависти к моему таланту. Ничего, я стерплю, в жизни художника такие неприятности неизбежны.

Нигде не могу найти Хочучяна, чтобы поиграть ему на скрипке. Шашлычная закрыта, в зоопарке его тоже нет. Подожду, может, сам придёт.

Хочучян так и не пришёл. Надеюсь, у него нет проблем, я обязательно должен его порадовать своей игрой.

Вика продолжает меня не замечать, потому что я совершенствую мастерство. Что за характер? Мне кажется, у неё плохая наследственность, это всё от матери. Надеюсь, наши дети пойдут в меня.

Потянуло на философию, читаю Гегеля и Ницше.

Всю ночь спорил с Гегелем. Под утро, назвав друг друга лапотниками, оборвали прения. Чтобы не разругаться, нашли точки соприкосновения: секуляризированное общество и повышение цен на гречку. Любопытно, что по этим вопросам мне сказал бы Ансельм Кентерберийский? *День 12-й.*

Хочучян уехал из Волноморска. Говорят, к маме. Жаль. Я сочинил для него лендлер. Вика заявила, что я отнял её лучшие годы. Посоветовавшись с Гегелем, решил не отвечать на такой неприятный и далёкий от справедливости выпад. После обеда примусь изучать партию первой скрипки из фа-минорного квинтета Франка. Я считаю, что *Lento, con molto sentimento* намного важнее семейных неурядиц.

Завтра возвращаемся в Москву. Пошёл на жертвы, чтобы вернуть спокойствие и расположение супруги: посоветовавшись с Гегелем, продал немцам скрипку. Слышу, уже балуются: серийная техника Шёнберга... Эх... разрывается сердце. Ушёл поезд. И почему я не выбрал развод? *День 13-й.*

Ночью снились осы в колпаках. Проснулся с головной болью. Перечитал написанное. После седьмого дня – туман, ничего не помню. *День 14-й.*

Сидим с Викой на дорожку, обнимаемся и вспоминаем Турцию. Хорошо, что портье уволился, в здравом уме я бы никогда не решился вернуть ему ручку.

Записки похищены из сейфа тольяттинского инженера Лаврентия Винтовёртова вместе с чертежами «АвтоВаза». Копии не сохранилось.

Новоселье

Был летний знойный денёк. В растворённые окна московской квартиры запархивал горячий воздух. Далёкие сумрачные облака грозно надвигались на беспокойный город, не знающий передышки и тишины. Ветер, игравший с занавесочным тюлем, доносил издалека предгрозовые ароматы.

Сонечка Милашкина, очаровательная зеленоглазая девушка, подпрыгивая светлыми локонами, бодро передвигалась по своей крохотной квартирке, совершая хозяйственные дела. Одна нитка белоснежного жемчуга бережно облегла её тоненькое запястье, другая – красовалась на юношеской шейке; а жемчужные серьги, проникшие в полупрозрачную плоть её ушек, не знали успокоения, подобно непоседливым завитушкам волос.

У Сонечки случилось новоселье: оставив отчий дом, она переехала из шумного столичного района в район шумный. Да, в Москве, как ни повернись, а тишину сыскать трудновато, но всё же чуткому женскому ушку показалось, что городской гомон здесь несколько приглушён.

Молодая хозяйка распаковывала коробки и укладывала предметы по своим местам. Орудя тряпичным лоскутком, она изящно кружилась в досужем вальсе и что-то напевала. Её хрупкие пальчики аккуратно раскладывали затейливые шкатулочки по полкам девичьего уголка.

Вдали послышался гром грозowych небес, тучи приближались. Только усердная хозяйка поставила хрустальную вазу в центре стола, как за её спиной раздался незнакомый ей голос:

– Привет!

Сонечка испуганно обернулась, в удивлении ахнула, отпрянула и приложила ручку к губам. В углу на комод сидел маленький, морщинистый, незнакомый человечек. В его длинной рыжей бороде, свисавшей почти до пояса, болталось несколько сосновых шишек. На нём были холщёвая рубашка с короткими рукавами, куцые зелёные штанишки, из которых высывались нитки, и небольшая вытянутая шапка, которая спадала набекрень и была ему заведомо мала. Обувка его имела какое-то сродство с крестьянскими лаптями, но просматривались в ней и некие особенности, незнакомые мастерам обувного дела. Светло-голубые глаза человечка с какой-то сладостью и лукавством поглядывали на девушку. Он сидел, болтая короткими ножками, улыбался, раскачивал комод и толстой, но хлипкой ручонкой помахивал Сонечке.

– Чего сторонись-то? Испугалась, что ли? – сказал человечек.

– Вы кто? – спросила Сонечка, широко раскрыв зелёные глазки.

– Я? Стёпка я, домовик.

– А что вы тут делаете?

– Ясное дело – что. Живу тут я, – ответил человечек, продолжая улыбаться и раскачивать комод.

– Позвольте, а как же я? Я ведь тут тоже живу.

– Верно говоришь, голубушка. Мы оба тут живём. Стало быть, давай ближе знакомиться, а после обживать начнём. Тебя как зовут-то?

– Соня... но позвольте...

– Вот и познакомились, теперь обживать давай. Ты не волнуйся, я росточком невелик, тебя не потесню, и не дерзновенен я, покладист, характер – чудо, душа широкая. Так что заживём лучше кота на печке, – сказал домовик, спрыгнул с комода, несмотря на короткость своих ножек, в два прыжка очутился на столе и, достав из-за пазухи букетик благоухающих лесных цветов, заботливо уместил их в хрустальную вазу.

– Это тебе, голуба моя, – сказал домовик, улыбаясь. – Ты, это, сказала б чего, а то стоишь как неродная, молчишь, а у нас тут с тобою всё-таки новоселье, а оно, знаешь ли, каких-то особых мероприятий требует.

– Новоселье у нас? – спросила удивлённая девушка.

– Сонечка, ты вот скажи мне. Ты, стало быть, только въехала сюда, правильно я говорю?

– Правильно.

– Вот. Так и я только сюда въехал, стало быть, у нас новоселье. Жилищное ведомство домовых выделило мне эту квартирку. Старая уж совсем негодна, жить там сложно: сыро, лягушки квакают, комары зудят...

– Лягушки? – спросила Сонечка, пристально всматриваясь в домовика.

– Да-да, есть такие квартиры в Москве, есть, а житья в них нет. Но здесь, я вижу, всё ладненько. Обживёмся с тобой, потом и в жёны тебя возьму.

– Что? Что вы такое говорите? Я уже помолвлена, между прочим, – недовольно возразила Соня.

– Ну это не страшно. Солнце, знаешь ли, с утра восток любит, а к вечеру ему запад милее кажется. Но довольно об этом. Денёк-то сегодня жаркий, пить охота. Сонечка, голуба моя, налей-ка мне стаканчик лимонаду.

– У меня нет лимонада, господин домовик, – повысив голос, сказала Соня.

– Ну зачем нам такие официальные тона? Голуба моя, для тебя я просто Стёпа. Жить нам бок о бок ещё долго, век у домовика не короток. Ну, Сонечка, налей мне лимонаду, пожалуйста.

– У меня нет лимонада!.. Стёпа... – теряя терпение, сказала Соня.

– Как это – нет? В холодильнике на второй полочке стоит, я уж проверил. Негоже, Сонечка, друзей дурачить. Принеси-ка стаканчик.

Тут подошла гроза. В небе заблистали молнии, над головою прогремел гром. А в трепетной груди Сонечки возросло негодование, она гневно смотрела на домовика, простодушно улыбавшегося и теребившего сосновые шишки в рыжей бороде. Ещё раз мелькнула молния, ударил гром, и посреди комнаты появился новый персонаж.

Маленькая рыжеволосая карлица, одетая и обутая на манер нежданного сожителя юной красавицы, сердитым взором оглядывала Сонечку и домовика, в глазах которого вдруг появилось огорчение. Она упёрла руки в бока, встряхнула головой и недовольно заговорила:

– Ах ты, негодник такой, что ты тут делаешь? Всё-таки увязался за ней, паршивец. Я, несчастная, вся извелась, за пеньками да ёлками слежу, одна о выводке забочусь, а он тут обжигаться надумал. Ой, я бедная, горе мне! Говорила мне мать: непутёвый он, для семьи не годен. А я, дура слепая, Кашей меня побери, поверила ему, пошла за ним... ой, непутёвый! Непутёвый!

– Ну ладно тебе тараторить, шуму наделала сколько, – сказал домовик, обратившись к рыжеволосой карлице. – Умел бы я летать, ты б и в небе меня достала. Пошли домой. Безнадёга...

Он хотел было соскочить со стола, но Сонечка, задав вопрос, его остановила:

– Господин домовик, это ваша супруга?

– Что? Какой домовик? – снова завелась рыжеволосая карлица. – Какой домовик? Что ты тут ей наговорил? Твердила мне мать: не выходи за него, он только выдумки горазд плести. А я, дура слепая, Яга меня побери, поверила ему, пошла за ним, а он уж теперь и от рода своего отрекается. Ой, горе мне! Домовик! Душенька, – она обратилась к Сонечке, – лесовики мы, лесовики. Отец его был лесовиком, дед его был лесовиком, а он, на тебе! в одночасье домовиком сделался. Благо родня моя не видит позора этого. Коль лес прознает про дела моего дурня, молва зашумит, чураться будут. Ой, горе мне! горе! Приметил он тебя, душечка, на прогулке в лесу и запел мне: милаха какая, чудна, красна, не твоей высоты, поболее будет. Вот и тронул его гном шальной, уплёлся за тобою вослед. Ой, горе мне!

Лесовик соскочил со стола, шаркнул ножкой, стыдливо улыбнулся Сонечке и со словами «идём, постылая» схватил благоверную за пухлую ручку. Они обернулись к окну и тут же растворились в воздухе.

Сонечка присела на кушетку и, глядя на подаренный ей лесовиком букет, иронически улыбнулась.

Невидимка

Чиновник районной управы Иван Кириллович Недокрадов, завершив свои трудовые часы, быстро шёл по узкому коридору. Недовольно сморщив лицо, он спешил в магазин, чтобы купить подарок ко дню рождения своей несравненной тётки. Тётку Иван Кириллович по старой привычке (а возможно, благодаря генетической памяти) не жаловал, но и не забывал (так как она не позволяла себя забыть) и с мнимой дружелюбностью и натужной улыбкой подносил ей презенты в дни личных и государственных праздников.

Недокрадов уже заворачивал за угол, когда его окрикнул невысокий мужчина с полным красным лицом:

– Иван Кириллыч! Иван Кириллыч, да не спеши ты так. Погоди, загляни на минуточку.

Это был один из представителей чиновничьего цеха Василий Васильевич Умыкаев, умелый растратчик государственного бюджета.

– Василий Васильич, если дело срочное, давай на завтра отложим, у меня своих хватает, очень спешу, – обернувшись, ответил Недокрадов.

– Дело нужное, Иван Кириллыч, а завтра уж поздно будет. Так что загляни-ка на минутку, а по своим успеешь.

Недокрадов зашёл в кабинет Умыкаева, где они просидели более двух часов, приятельски беседуя под выпивку и закуски. Покрывая воздушный хлеб толстым слоем сливочного масла и лоснящимися зёрнами чёрной икры, они с негою в глазах отправляли сокровенные бутерброды в избалованные рты. Запотевшая бутылка отечественной водки неустанно совершала наклонные движения над хрустальной рюмкой.

– Хорошо! – с выдохом проговорил Недокрадов. – Славно посидели!

– Ну вот, Иван Кириллыч, а говорил: «спешу». Для таких приятных дел любая спешка – оскорбление, – заключил Умыкаев.

– Верно говоришь, Василий Васильич. Но... понимаешь, у тётки завтра день рождения, а подарок ей я ещё не купил. Я же на другой конец города собираюсь, там магазинчик есть один, французским бельишком торгует. Вот там прикуплю ей чего-нибудь для её костей. Тётка, она же, понимаешь, – тётка, она почёту требует и проявления родственной теплоты... Спасибо тебе, Василий Васильич, за стол, за добрую беседу, а мне надо идти. Тётка, она же – тётка.

– Ну, бывай, Иван Кириллыч. Получу ещё копейку, снова призову тебя, так сказать, к беседе.

– Копейку, говоришь? – Недокрадов хитро поглядел на сослуживца. – Получка вроде через неделю обещается.

– Так я, Ваня, песочницу детям сделал, вон возле леска стоит. Детишкам-то на что шесть тонн песка? Я им немного сыпанул, а остальное... сам понимаешь.

– Вася, на песочке-то много не заработаешь.

– Верно, Ваня, я это тоже заметил, поэтому решил, что детишкам асфальтовые дорожки не к чему, пусть по травке бегают. А для асфальта иные нужды есть... Икорка-то, Ваня, вкусная?

– Вкусная, ничего не скажешь, – ответил Недокрадов и, распрощавшись с Умыкаевым, вышел из кабинета.

Иван Кириллович Недокрадов, как и его коллега, смотрел с личной заинтересованностью на выделения государственных бюджетных средств, рассчитывая в голове многосложные ходы, способные усилить его собственный капитал. Мода отковыривать казённые щепки от казённого забора новизной не дышит и носит перманентный характер. Иван Кириллович в системе казённого дележа не был одним из тех жгучих рвачей, не знающих меры в щипаче-

стве, и частенько корил себя за сдержанность, поглядывая на существенные прибавки упорных коллег.

Недокрадов вышел из управы, подошёл к своей машине и стал отпирать дверцу, но мысль трезвости, блуждавшая в опьянённой голове, стукнув ему изнутри в лоб, сказала: «Ваня, какая машина? Ты же пьян».

Откликнувшись на призыв трезвой мысли, Недокрадов решил не садиться за руль.

Он шёл и думал о подарке для тётки, о госбюджете, о чёрной икре и о вечности. Пройдя несколько улиц, Недокрадов увидел маленького мальчика, бегущего ему навстречу; мальчик плакал, был испуган и растерян.

– Дядя, помоги, позалуста, – пролепетал мальчонка.

– Что случилось, малыш? Кто тебя обидел? – спросил Недокрадов.

– Пляхой дядя алопатку отнял.

– Алопатку? А, лопатку.

– Дядя, алопатку, алопатку отнял.

– А ты что, малыш, один сюда пришёл? Где твоя мама?

– Мама в мазин посла. А пляхой дядя алоптаку отнял.

– Тебя как зовут?

– Дениска. – Мальчик, всхлипывая, провёл кулачком по мокрому носу.

– Не плачь, Дениска, сейчас мы вернём тебе лопатку. Покажи мне, где плохой дядя, сейчас я ему задам, – сказал Недокрадов, ощущая прилив уверенности.

– Вон он, песёк кидает.

Недокрадов посмотрел в ту сторону, куда указывал ему мальчик, и увидел песочницу, из которой периодически вылетал песок. Эта была та самая песочница, созданная по воле Василия Васильевича Умыкаева. Недокрадов, поправив на шее галстук, направился к песочнице. Приблизившись, он услышал хриплый, ворчливый голос:

– Понакидали тут... вредители окаянные! Понакидали...

Когда Недокрадов подошёл к песочнице, он увидел несколько вырытых ям, в одной из них кто-то находился, этот кто-то вышвыривал из ямы песок и нещадно кого-то бранил.

– Хм, – произнёс Недокрадов и громко кашлянул. – Гражданин, покажитесь. Мне надо с вами серьёзно поговорить. Гражданин?

Из ямы перестал вылетать песок. Прекратилось ворчание, и на поверхности появился страшный, сморщенный гном, державший в руке отнятую у мальчика лопатку. Его злые глаза наливались кровью, а нос бородавчатым крючком выдавался далеко вперёд. Карлик злобно промычал и хрипло спросил:

– Чего надо?

– Гражданин, я вас по-хорошему прошу, отдайте мальчику лопатку, – сказал Недокрадов, снова поправив на шее галстук.

– Прошу... по-хорошему... – передразнил его злой гном. – Когда закончу, тогда отдам. Ступай отсюда, не мешайся. – Сделав неприличный жест, гном спрыгнул обратно в яму.

Дело в том, что на этом месте, под куском выдранного дёрна, злой лесной гномик временно схоронил золотую монету. Вернувшись за ней, он встретил преграду в виде песочницы, появившейся благодаря Василию Васильевичу Умыкаеву. По чести говоря, Умыкаев, прибрав «лишние» тонны песка, облегчил гному копательные работы.

Оскорблённый наглým поведением злого карлика, Недокрадов сильно негодовал, его ударило в жар, он расслабил узел своего галстука и, забравшись в песочницу, стал говорить ропотливые речи в адрес копающего гнома:

– Как ты смеешь со мною так разговаривать? Кто я, по-твоему, безвольный, неразумный мальчонка? А ну, живо вылезай, извинись и отдай ребёнку лопатку. Кому сказал!

Гном не отвечал. Из ямы продолжал вылетать песок и слышалось ворчание. Недокрадов покраснел, как варёный рак. Стянув с шеи галстук, он бросил его в песочницу. Топнув ногой, он вновь обратился к злому гному голосом, полным гнева и возмущения:

– Ты, как я погляжу, глуховат. Так я повторю погромче. Живо вылезай из этой чёртовой ямы! Извинись передо мной и мальчиком! И отдай ребёнку лопатку! Карлик ты неотёсанный!

Через минуту гном вылез из ямы и встал на песочную горку, чтобы казаться выше в росте; кровавость его глаз стала ещё заметнее. Он опёрся рукою на лопатку, пощупал зубом найденную монету и с пространством презрением лесного гнома посмотрел на Недокрадова.

– Ты чего развопился? – сказал гном.

– Отдай лопатку и проси прощения! – требовательно и жёстко сказал Недокрадов.

– Хе! Чего захотел. Исчезни с глаз моих! – ответил гном, откинул в сторону лопатку и плюнул в чиновника: – Тьфу!

И тут под воздействием гномьей слюны Иван Кириллович Недокрадов стал постепенно исчезать. Исчезла сперва чиновничья обувь, потом ноги Недокрадова, затем его руки, и вот вскоре весь чиновник был уже невидим миру. Он стоял в песочнице, пытаясь оглядеть свою бестелесность. А злой гномик, рассмеявшись пугающим, триумфальным смехом, юркнул в зелёный куст и исчез.

– Невидимка! Я – невидимка! Проклятый гном! Что ты натворил?! – крикнул Недокрадов и бросился к кустам. – Исправь всё немедленно! Слышишь меня? Исправь!

Гном слышал его, но не отзывался, он неспешно шёл своими тоненькими ножками по лесной тропинке и ласково поглаживал кармашек на своих штанах, где покоилась золотая монета.

В это время к песочнице подошла мама обиженного мальчика; подняв лопатку, она взяла сына за руку и пошла с ним прочь от песочницы.

– Мама, – сказал мальчик, – тут был дядя... и он истес... совсем истес.

– Да, сынок, – ответила мама, – дяди часто так делают, куда-то совсем исчезают... Наш папа тоже куда-то исчез. За хлебом его отправила, а он исчез...

– Граждан... – крикнул было Недокрадов, но тут же осёкся, осознав, что, не имея видимости, он будет безуспешен в общении с теми, кто этой видимостью обладает.

Грустный и безутешный, он сел на скамью и стал размышлять о своём крайне неприятном положении.

«Идти домой я не могу, – думал Недокрадов, – жена сойдёт с ума. Воспользоваться случаем – и хорошенько потрясти казну? Так на что мне деньги? С невидимкой никто торг вести не будет... Эврика! – вдруг вскричал он, вспомнив, что в его жизни существует тёща. – Ну, Лукерья Мартыновна, я тебе задам, я тебе устрою приятный день рождения! Ты запомнишь его навсегда. Я такой подарочек преподнесу, что не забудешь. Из памяти такое не вырвешь. А зачем ждать до завтра? Пойду-ка я сейчас к ней, помогу с хлопотами. Ты у меня разморозишь свою любимую курочку, а я тебе помогу её хорошенько зажарить! Но сперва я миленько обстригу твоего драгоценного кота, начну с хвоста, да-да-да, точно, с хвоста. А твои любимые голубые занавески, эти отвратительные тряпки, я, Лукерья Мартыновна, хорошенько обрызгаю бульоном. А потом... потом... ну хватит. Пора за дело браться».

Встав со скамьи, Иван Кириллович отправился к тёще совершать задуманное.

– Вот она, избушка на курьих ножках, – подходя к тёщину дому, брезгливо пробурчал чиновник. Предвкушая проказы, он радостно потирал руки. «Сейчас, сейчас», – повторял он про себя. Но только он приблизился к дверям «вражьей обители», как вся его невидимость неожиданно иссякла.

Гномья слюна имела временное действие. Недокрадов, схватившись за голову, стал укорять себя за медлительность и долгие размышления. Развернувшись, он отправился обратно, туда, где (хоть и в оскорбительной форме) получил свою невидимость.

Когда Недокрадов очутился перед кустом, куда юркнул его обидчик, он начал дико трясти зелёные ветки, громко призывая гнома:

– Вернись! Вернись, чёртов карлик! Плюнь в меня снова! Я не успел! Не успел!..

Гномик вылез из соседнего куста, посмотрел на беснующегося чиновника кровавыми глазками и, покрутив пальцем у виска, сказал:

– Ты дурак? Чего пристал-то ко мне?

– Плюнь, плюнь в меня снова, – вежливо попросил Недокрадов. – Очень нужно. Пойми, я не успел. . .

– Фрейда на тебя нет, – сказал гномик и, плюнув на землю, скрылся в кустах.

Поникший Недокрадов уселся на скамейку и вздохнул с великой натугой. Через пять минут его мысли оторвались от всего, что связывало его с тещей. Он снова задумался о госбюджете, о чёрной икре и о вечности.

Рассмешить Черчилля

Тридцать пять лет занимаясь разведением, селекцией и продажей овец, Евлампий Христофорович Кунжутов и предположить не мог, что однажды к нему в руки попадёт живая обезьяна.

Случилось это в воскресенье, когда Евлампий Христофорович был у себя дома и готовился вкушать котлетки из седла селекционного барашка. Они уже лежали на столе и, дымясь, струили искусительный, крылатый дух. Кунжутов вонзил вилку в поджаристую снедь, пустившую по тарелке горячие ручейки маслянистого сока, но вдруг чья-то неучтивая рука нажала на кнопку дверного звонка.

На пороге стояли два здоровенных человека в тёмных очках и строгих костюмах, у обоих были тяжёлые подбородки и подвижные желваки. На руках у одного, держась морщинистыми пальцами за красный деловой галстук амбала, сидел среднего размера шимпанзе, смотревший на Кунжутова взглядом африканской бедности. Он был так печален, будто совсем недавно залпом прослушал все оперы Пуччини.

– Евлампий Кунжутов? – сняв с себя очки, спросил амбал без обезьяны.

– Да, – сказал Кунжутов, стараясь не замечать мольбы обезьяньих глаз.

– Есть важное дельце, – сказал амбал без обезьяны, пряча очки в нагрудный карман пиджака. Не дожидаясь разрешения, оба, не считая шимпанзе, ввалились к Кунжутову в дом.

– Короче, тема такая, – ссаживая с рук шимпанзе, сказал второй амбал. – Через месяц у нашего губернатора юбилей. Мы готовим Филонию Бальтазарычу большой праздник. Будут гости, салаты, открытки, подарки... И эта вот макака тоже пойдёт в подарок. – Он снял с себя очки и душкой постучал по темени обезьяны. – Но тут не всё просто. Надо, чтобы этот предок рода человеческого научился сечь анекдоты. Про Штирлица там, Чапаева, братву... Но не просто сечь, а смеяться. Понимаешь? Анекдотик рассказали, а он лыбится. Бальтазарыч пошутил, а он зубы кажет. Усекаешь?

– Подождите, – растерялся Кунжутов. – Вы что-то путаете. Я овцевод, селекционер, я не могу... Да и затея эта какая-то... её и авантюрной не назовёшь. Это немислимо...

– Дедуль, ты не бойсь, за нами не заржавеет. Деньги – не вопрос. Три куска сейчас, семь после работы. И, заметь, не «деревянными». Да ты на своих баранах за год столько не заработаешь, сколько мы тебе за месяц дадим. Я тебе отвечаю, – сказал первый амбал, втягивая носом аромат поостывших котлет.

– Да нет же, вы не понимаете, – горячась, проговорил Кунжутов. – Не в деньгах дело. То, что вы от меня просите, невыполнимо, потому что наука до этого ещё не доросла и в ближайшие годы не приблизится к этому ни на йоту. А мне, как овцеводу, вообще нет никакого интереса до подобных идей, фантастических идей. Извините меня, но это просто какая-то нездоровая блажь, не стоящая внимания серьёзных людей.

– Не кипятись, дедуль. Всё уже придумано, наука подросла, пока ты с баранами возился. – Второй амбал достал из пиджака картонную коробочку, испещрённую азиатскими иероглифами. – Вот, японцы недавно замутили.

– Что это? – спросил Кунжутов, переводя смущённый взгляд с одного губернаторского сторонника на другого.

– У! – как бы ответствуя Евлампию Христофоровичу, выдавила из себя обезьяна.

– Это, дедуля, то, что поможет тебе пробить макаку на ржач, – пояснил первый амбал, протягивая коробочку Кунжутову. – Только вчера с привезли. *Сикоки*

– Откуда, простите? – Кунжутов напряг слух.

– С, – повторил амбал. – Остров такой знаешь, называется? Вот оттуда и привезли. Самураи постарались. Они, говорят, на морских свинках свою фишку попробовали. *Сикоки Сикока*

– И что, вы хотите сказать, свинки смеялись? – постучав пальцем по коробочке, несколько испуганно спросил Кунжутов. Ему живо вообразилась японская лаборатория, где среди смеющихся грызунов мечется горстка восторженных, полубезумных учёных.

– Ну тогда бы мы тут не балакали, – сказал второй амбал, доставая из кармана пачку обтянутых резинкой долларов. – Вот задаток. Через месяц получишь ещё. – Пробежав большим пальцем по купюрам, он положил их на коробочку с иероглифами. Кунжутов от удивления вздрогнул. – Главное, – продолжил амбал, – чтобы макака смеялась. Большого мы от тебя не просим. И помни, для кого делаешь.

– Но я же никогда этого не делал. Как же я разберусь? – Коробочка задрожала в руках Кунжутова, и над пачкой долларов объявилась угроза падения.

– В инструкции всё написано, – придерживая кривоватым мизинцем повисшие на краю деньги, сказал первый амбал. – Месяц, дедуль, месяц. Сделаешь раньше – тебе же лучше.

Кунжутов хотел было возразить (он совершенно не мог понять, почему именно ему, простому сельскому овцеводу, навязана столь необычная работа), но пачка долларов, подрагивавшая перед самым его носом, подсказала, что лучше будет промолчать.

– Хотя бы скажите, как его зовут, – сказал Кунжутов, взяв обезьяну за протянутую к нему руку.

– Черчилль, – в один голос сказали губернаторские клевреты.

Кунжутов грустно посмотрел на обезьяну, не менее грустно смотревшую на него.

«Неужели, – подумалось ему, – эволюция только затем вывела человека в цари природы, чтобы он заставил шимпанзе смеяться над Чапаевым?»

– Звони, если чего надо будет, – сказал первый амбал, вручив Кунжутову визитку.

Амбалы синхронно надели очки и, не простившись с хозяином, покинули его дом.

Евлампием Христофоровичем овладело дурное настроение: ему на голову свалился меланхоличный шимпанзе, а котлеты уже остыли.

– Ну что, Черчилль, давай поглядим, как тебя развеселить, – распечатывая коробочку, сказал Кунжутов.

Внутри оказалось два пакетика с засушенной травой, пакетик с кокосовой стружкой и три запечатанные пробирки, наполненные жидкостями разного цвета: красной, синей и зелёной. Вот, собственно, и все компоненты загадочного средства, которое должно было привить обезьяне чувство юмора. В инструкции к препарату не оказалось ни одного русского слова, там не было и английских – сплошная азиатская тарабарщина.

– Да они смеются надо мной! Вот история! И что же мне, Черчилль, с тобой делать? – спросил Кунжутов, нагнувшись к обезьяне. – Ты бы хоть подсказал, что ли.

– У! – тут же отозвался Черчилль.

– У! – повторил Кунжутов. – Вот и я не знаю. – Он подошёл к столу и вынул вилку из холодной котлеты. – Говорит, в инструкции всё написано. Да я вижу, что написано... – он снова вонзил вилку в котлету, – что-то написано...

Кунжутов взял оставленную амбалом визитку и стал набирать номер.

– Это Евлампий Кунжутов. У меня ваша обезьяна, – взволнованно проговорил он в телефонную трубку. – Инструкция написана на японском. – В трубке послышался треск. – Я говорю: инструкция к вашему средству написана на японском, мне необходим переводчик. Слышите? Пришлите ко мне переводчика.

– Базара нет, дедуль, сделаем, – пробасил амбал. – Будет тебе переводчик.

Когда Кунжутов положил трубку, внимательно наблюдавший за ним Черчилль её поднял, приложил к оттопыренному уху и произнёс своё излюбленное «у!»

Оставляя шимпанзе в доме, где ничто не было готово к приёму обезьяны, Кунжутов не стал и поселил его в овечьем хлеву, обеспечив водой и яблоками.

На следующий день в доме Кунжутова появился молодой японец, который, прежде чем приступить к делу, отвесил хозяину два десятка поклонов.

– Ну что, что там написано? – нетерпеливо спросил его Кунжутов, когда японец удивлённо всматривался в инструкцию.

– Я не зная, – пожав плечами, ответил тот с неловкой улыбкой. – Это не японский, а китайский.

– Но как же это? – растерялся Кунжутов. – Мне сказали, что средство привезли ... – Он запнулся, так как чуть было не сказал: . – Из Японии. «с Сикоки»

– Возможно, но я вам тесно говорю: это не японский.

Это было весьма неприятное недоразумение. Кунжутов сделал повторный звонок.

Поиски человека, сведущего в китайской грамоте, заняли у «губернаторской братвы» несколько суток. Тем временем Черчилль прижился в овечьем хлеву и сдружился с его обитателями: он делился с овцами яблоками и бережно расчёсывал им шерсть своими пальцами.

Переводчик нашёлся на пятые сутки. Язык, на котором была написана инструкция к загадочному средству, на счастье Кунжутова, действительно оказался китайским. Почему инструкция к японскому продукту, произведённому японскими учёными и доставленному с японского острова, была написана на китайском языке – известно, наверное, самим производителям да моему соседу, во всяком запутанном деле привыкшему видеть масонский след.

Предлагаю ознакомиться с переведённой инструкцией.

«. Поликомпонентный препарат, вызывающий стойкое чувство юмора у представителей инфракласса плацентарных, за исключением семейств ежевых и дикобразовых. **Смеходерукол**

Показания к применению

Принимать при полном или частичном отсутствии чувства юмора.

Способ приготовления и дозировка

Смешать 40мл протоглюросила (жидкость красного цвета) с тридцатью граммами жуаньсуйской травы и подогреть до температуры 80°C. Затем, помешивая, добавить 50мл буроцитата (жидкость синего цвета), 60мл халопропераина (жидкость зелёного цвета) и довести состав до температуры кипения. Кипятить не более 10 мин. Сняв с огня, перелить средство в стеклянную тару и настоять в тёплом месте в течение четырёх суток. Принимать по чайной ложке ежедневно вместе с варёной морковью и сычужным сыром.

Срок приёма

21 день. Первые признаки появления чувства юмора обнаруживаются на 14 день приёма препарата.

Побочные действия

У животных: потеря пятен и полос, отрастание или атрофия хвоста, болезненное влечение к крокодилам, отвращение к грибам. У людей: пророческие видения, полная потеря школьных знаний, отмирание совести, геморрой».

Срок годности

30 дней с момента изготовления.

«А на кой чёрт они положили в коробку кокосовую стружку?» – прочитав инструкцию, подумал Кунжутов и, следуя этой инструкции, принялся за изготовление «смехотворного зелья».

Ежедневно пичкая Черчилля указанной порцией отвара, морковью и сыром, Кунжутов никак не мог поверить, что столь печальная обезьяна способна преобразиться под воздействием смеходерукола, сколь бы убедительно ни была написана аннотация к препарату.

По прошествии двух недель Кунжутов попытался разглядеть в шимпанзе первые признаки появления чувства юмора, рассказав ему парочку анекдотов на тему овцеводства. Обезьяна осталась равнодушной.

Нелишне сказать, что человеком Евлампий Христофорович был несмешливым, улыбался редко и анекдотов знал немного, да и то, что знал, было сугубо связано с его профессией. Выдав Черчиллю весь свой анекдотический запас, он серьёзно задумался, ибо не представлял себе, как проводить дальнейший опыт, не зная смешавших анекдотов. Всё, что он прочитывал в прессе, его не смешило и тут же забывалось. «Если уж не смешно мне, – думал Кунжутов, – обезьяне и подавно».

До дня рождения губернатора оставалось несколько дней, однако до сих пор не было ясно, появилось ли у обезьяны чувство юмора. После напряжённых размышлений Кунжутов решил обратиться к своему соседу, разводившему мускусных уток и покупателей на их продаже.

– Гаврила, ты анекдоты знаешь? – серьёзно спросил соседа Кунжутов.

– Знаю, – весело ответил тот. – Рассказать? Слушай...

– Нет, – остановил его Кунжутов. – Здесь не надо. Пойдём в хлев, там расскажешь.

Сосед удивился, но без возражений последовал за Кунжутовым. То, чем ему предложил заняться овцевод, уже было анекдотом – ему предлагалось рассмешить безнадёжно-грустную обезьяну.

Под пристальными взорами овец, шимпанзе и Кунжутова сосед Гаврила, театрализуя, выдавал один анекдот за другим. Он надувал щёки, морщил лицо, взмахивал руками, изменял голос и, как степной джейран, игриво скакал по хлеву. Но смешно было только ему самому, ни Черчилль, державшийся за Кунжутова, ни сам Кунжутов за всё время художественного повествования не выказали и доли чувства юмора.

Видя такую тупиковость, сосед Гаврила хотел было выдать свой коронный номер: показать Анку-пулемётчицу в тот момент, когда она, сочетавшись браком с Петькой, признаётся ему, что она вовсе не Анка, а Антуан, но тут в хлев зашёл амбал, который в день его появления в доме Кунжутова держал на руках Черчилля.

– Знаете, мы... мы работаем... всё продвигается, – испуганно смотря на амбала, пролепетал Кунжутов.

– Не парься, дедуль, делу капут, – скрестив руки, сказал амбал.

– Как это – капут? – удивился Кунжутов.

– Сняли Бальтазарыча. Не нужна теперь макака, – проговорил амбал, кивнув на Черчилля. – У нового губернатора юбилей через пять лет. Пять лет пройдёт, тогда и побалакаем. Извини, что напрягли, дедуль. Деньги и обезьяну оставь себе.

Амбал развернулся и ушёл. И тут на весь хлев весёлым хором рассмеялись овцы.

Купидоново счастье

Был один из тех дней, какие случаются в году редко, от них веет неповторимой зачарованностью, и перечесать таковые не составит трудности на пальцах одной руки.

В полуденный час под густою кроной старого бука, щедро положив под мохнатый горб листву орешника, лежал молодой сатир. Запрокинув голову, он пересвистывался с певчим дроздом, усевшимся на древесной ветке. Подле его руки лежал ореховый флажолет – старый спутник лесного пройдохи. Сатир был верен своей устоявшейся беззаботности. Невдалеке журчал стеклянный ручей, убегая в таинственную даль. Тени ленивого леса лениво блуждали под его пологом.

Вдруг древесные кроны зашелестели, послышался мерный звук крыльев, и с высоты на землю опали золотые искры, которые в то же мгновение растворились на острых кончиках трав. Через секунду белокрылый Купидон предстал взору бездельника. Сатир, не меняя блаженной позы, повернул голову в его сторону, зевнул, не прикрывая рта, и проговорил:

– А, это ты, брат.

– Я, дружок, – ответил Купидон, хитро и сладко улыбаясь.

– Ну что, всё летаешь, стрелками бросаешься и сердца тревожишь? И охота ли тебе в такой день рутину свою заводить? – спросил сатир и снова зевнул.

– Мне, дружок, труд мой мил, и по душе он, и по сердцу. Твоя охота – бока нежить; моя – любовь зарождавать. В прилежности своей и отдохновение имею.

– Знаем, знаем твои интересы. Я и без твоей помощи в этом деле успешен.

– Успешность твоя скорее от копыт идёт, нежели от сердца, – сказал Купидон, продолжая улыбаться.

– Да хоть бы и от копыт, мне-то какая важность, откуда она там идёт, идёт, и всё. Нимфы, знаешь ли, народ нетребовательный. Я им в душу, конечно, не вглядывался. Не романтик я, брат, да и тоска всё это, любовь твоя, здоровье только портит. – Сатир взял флажолет, сонно поглядел на него и снова положил на землю.

– Пустить бы в тебя стрелу, так, для пробы, может, что-нибудь и выйдет этакое, любопытное.

– Нет, брат, исследования свои проводи где хочешь и на ком хочешь, только меня в своём деле обойди.

– Слушай, а как отец твой поживает в своих древних летах? – спросил Купидон, не теряя улыбки и хитрецы в своих чертах.

– С отцом-то неладно. Влюбился, говорит, в наяду с дальнего озера. Прихорошился, вычесал шерсть и понёс старые кости туда, где краса эта плескается. Неделю уже не видал его. Странно как-то... Погоди-ка, а не ты ли, брат, тут замешан? – Лицо сатира стало каменным, но тут же расплылось в улыбке. – Да-да-да... Ах ты, летун-негодник! Что улыбаешься? Что со стариком сделал?

– Признаться, дружок, с отцом твоим казус вышел. Метил я в одну дриаду, за которой старик из-за кустов смотрел, но... то ли муха в глаз попала, то ли ветер соринку занёс... в общем, дал я маху: попал в старика. Дриада-то сокрылась, а старика к наядам повлекло, на озеро. Какую первую разглядел, к той и воспылал. Случается...

– Эх, лучник непутёвый, – пробормотал сатир. А улыбка Купидона всё ширилась и блеск глаз полнился озорством. Продолжая висеть в воздухе на крыльях, он спросил:

– Не видал ли тут кого поблизости? Охота мне руку размять.

– Нет, для твоих затей путников нужных не было. Смерть проходила... вся рассеянная. Искала косу свою. Говорит, день такой выдался, хоть выходной бери.

Засмеявшись, Купидон взмыл в воздух, пошатнув лесные ветви, и золотые искры от его крыльев опали на мягкую траву, где тут же испарились.

Вскоре перед летуном показалась опушка, сплошь усеянная разнообразными цветами. Краски и ароматы милого уголка прервали полёт Купидона, заставив его смиренно сложить крылья и окунуться в эту чудодейственную пестроту.

Говорливые кузнечики без продыху шумели в травяной кучности, а красочные бабочки застенчиво порхали среди пряных цветов, пленительных в своей простоте и доступности.

Невиданное ребячество захлестнуло любовного затейника. Позабыв ремесло своё, увлёкся пострел новой забавой: как непоседливый и любопытный котёнок, сновал Купидон от цветка к цветку, бережно пленяя разноцветных бабочек. Его звонкий смех разлетался над цветущей поляной.

Но тут на краю опушки показалась молодая парочка. Юная дева, облачённая в воздушные одежды, мыском тонкой стопы покачивала разлохмаченный василёк и влекла за собою краснощёкого юношу. Любопытство и долг службы, как влагу дождевую с листья, стряхнули сладкое забвение с Купидоновой головы. Притаившись за благоухающим кустом, озорник стал наблюдать.

Не выпуская нежных рук прелестницы, юноша был откровенен, патетичен и распалён. Его зазноба, держась девичьего фасона, отвечала упрямством, отводила носик, упуская все признания, и почти беззвучным голоском говорила что-то о дружбе.

Почесав за ухом, Купидон хихикнул и сказал про себя: «Дружба... как же... Ох, женщины... Пособлю голубку – голубку раскачаю». Он щёлкнул пальцами, и в его руке появилась золотая стрела с белым оперением. Незаметно поднявшись над землёю, Купидон натянул тетиву; наконецник стрелы ярко блеснул на солнце. Озорник слышал, как бьётся сердце красавицы. Ещё секунда – и всё будет готово.

Но тут брюхастая пчела стукнула лучника в самый лоб, а следом за нею и другая. Купидон выронил стрелу, которая, не долетев до земли, растаяла в воздухе. Нюх его почуял невдалеке несказанный медовый дух. Махнув рукою на предмет своего интереса, сказав: «успеется», дел любовных разжигатель плавно опустился в пасечный уголок.

Старый пасечник, угрюмый и ворчливый, ковылял от улья к улью, ругаясь сам с собою. Соты пчелиных домиков уже наполнились тягучей сладостью и ароматом. Время медового сбора настало, и старик предался своему труду, привычному, но, как видно из его недовольства, весьма докучливому.

Желание полакомиться медком совершенно овладело Купидоном. Надеясь быть незамеченным, он тихо подкрался к отдалённому улью и приоткрыл крышку: сильный аромат и шумные пчёлы хлынули ему в лицо, и лишь старательные взмахи крыльев избавили медового вора от болезненных укусов. Но стоило ему только протянуть руку к желанному, как раздался хриплый голос старика пасечника:

– Стой, воришка! Стой, негодный! Я тебе сейчас задам! Ты у меня узнаешь, как на чужое посягать!

Бранясь, старик заковылял в сторону Купидона, застуканного при таком постыдном для бога любви занятии.

Громко хохоча, Купидон запарил над головою пасечника, не слушая ни угроз его, ни проклятий. Проказник срывал цветы и бросал лепестки на старческие седины, строил гримасы и дразняще показывал язык. В довершение всего он запустил в дедовское сердце свою золотую стрелу.

– Не помешает, – проговорил летучий хулиган.

Старик замолк. Задумался. Сел на пенёк и, теребя длинную бороду, стал посматривать в прозрачное небо.

А Купидон тем временем извлёк нежные соты, согнал прилипчивых пчёл и, надкусив искусное восковое изделие, стал высасывать мёд. Блаженно закатив глаза, он мурчал, как кот, в довольстве и наслаждении. Ни капли липкой сласти не пролетело мимо. Слизывая медовые остатки со своих пальцев, он сказал, причмокивая:

– Знатная вещь, вкусная...

А старик поднялся с пенька, молча улыбнулся и пошёл срывать цветы. Встретившись взглядом с Купидоном, он сказал:

– Для старухи моей букет собираю. С юных лет ничего ей не даривал из этой темы.

– Верно делаешь, верно, – ответил Купидон и взмыл в небо.

Вскоре его золотая стрела поразила сердце упрямой красавицы.

Роковой переулоч

Башорат Хусанович Штукатурдиев – очень хороший человек, со светлой душой и чёрными глазами. У него крепкая рука, лесистые брови и сердце ангела. Башорат Хусанович работает без выходных, ежедневно моет ноги и пьёт чай. Башорат Хусанович всегда перед сном поёт торжественные песни о любви к Москве. Он умерен, заботлив и почтителен. Никто из ныне живущих не имеет причин упрекнуть его в сибаритстве, нахрапистости и индифферентизме по отношению к ближнему. Да и случись такое, найдись недоброжелатель с горькой укоризной, Башорат Хусанович всё равно не поймёт, чего от него хотят.

Башорат Хусанович – очень хороший человек, но и хорошие люди не избавлены многосложной человеческой природой от грехов и оплошностей. Именно оплошность Башората Хусановича – в том не было никакой преднамеренности – послужила причиной несчастного случая в Конном переулке.

Случилось это осенью, в сентябре, когда под ногами трагически хрустела пожухлая листва. Солнце грело по-весеннему, его обманчивые лучи вместе с сухим ветерком забегали в тёмные дворики и в приветливо растворённые окна. Птицы покидали край меркнувшей природы. Дворники махали мётлами, политики – языками, готовясь к выборам. Город гремел, заполняя пространство грубой, механической симфонией. *непредсказуемым*

Не обращая внимания на гомон мегаполиса, сворачивая с улицы на улицу, минуя переходы и переулки, шла по Москве Смерть, самая что ни на есть настоящая. Она вкушала абрикосовое мороженое и посматривала в осеннее небо. Тень от её чёрной, лоснящейся мантии, вопреки физическим законам, грозно спадала на все стороны света. Мантия была длинновата, и её полы волочились по пыльным московским тротуарам. Смерть то и дело останавливалась, чтобы стряхнуть с себя назойливые частицы претенциозной столичной грязи. Да, в Москве даже у грязи есть амбиции.

Завернув в Конный переулок, Смерть остановилась возле фонарного столба, чтобы в очередной раз почистить свою мантию. В эту минуту пригретый осенним солнцем городской воробей, сидевший на макушке фонаря, небрежно взмахнул крыльями – крохотное серое пёрышко медленно полетело вниз. Оно летело очень, очень долго и в конце концов опустилось прямо на зализанную горку мороженого. Воробей, разглядев под фонарём очищавшуюся Смерть и мороженое с его личным пером, опешил, ибо уразумел, что был в двух скачках от серьёзного конфликта. В любом споре Смерть наихудший оппонент, это ясно даже воробью. Воробей прижался к фонарю и, поминая всех святых, крепко закрыл глаза. Он дрожал от страха и зывал к свету, хохолок на его крохотной головке непрестанно качался. Наконец Смерть, закончив чистить мантию, подняла страшные призрачные глаза и устала их на мороженое, увенчанное воробьиным пером. Её глаза блеснули гневом, руки налились тяжестью, она зашипела, недовольное хрипение вырвалось из её глотки. Воробей, страшась открыть глаза, стал поминать прежнюю жизнь, отчее гнездо и первую воробьюху. Однако Смерть, не подняв головы, холодным дыханием мертвенных уст сдула с кремово-ледяной горки легкое перо и направилась в глубь Конного переулка. Воробей ещё долго сидел на фонаре, осмысливая своё бытие.

Дойдя до середины переулка, Смерть остановилась, её внимание привлёк красочный предвыборный плакат, красовавшийся на информационном стенде. Подойдя поближе, Смерть прочитала:

«Партия „Счастливая Россия“. Мы счастливы, когда счастливы вы! Вместе в счастливое будущее! Партия „Счастливая Россия“ – мы несём счастье в каждый дом».

Ни один мускул, образующий улыбку, не дрогнул на мертвенном лице Смерти, когда она осмысливала слова партийного лозунга, ибо Смерть до шуток не охотник. Пробежав глазами по плакату, она остановила свой взгляд на светящемся и жизнерадостном лице партийного

лидера Глеба Грейпфрутова, который своею улыбкой приветствовал проходящих мимо москвичей. Наконец, оторвавшись от плаката, Смерть сделала шаг, чтобы продолжить намеченный путь, но этот шаг оказался её последним шагом в Конном переулке, ибо в эту секунду Башорат Хусанович Штукатурдиев совершил свою оплошность.

Уже неделю Башорат Хусанович делал ремонт в одном из помещений офисного здания, расположенного в Конном переулке. Прельстившись лучами осеннего солнца, с молотком в руке он отпрянул от утомительного труда и выглянул в раскрытое окно. Поминая знойные деньки далёкой родины, Башорат Хусанович разнежился и выронил молоток. Пролетев четыре этажа, молоток стукнул Смерть в самое темя. В мгновение всё изменилось: пропали яркие осенние краски, бесцветные туманы понеслись пред её взором, в ушах зашумел могильный ветер. Смерть качнулась, издала невнятный возглас и повалилась наземь, так и не докусав мороженое.

Впоследствии представители СМИ, явившиеся на место происшествия, обвинили Башората Хусановича в преднамеренности, утверждая, что он заранее выбрал себе жертву и подстергал её в окне четвёртого этажа. Однако Башорат Хусанович жестами дал понять, что выронил молоток без умысла и что никаких личных обид по отношению к пострадавшей не имел.

Около часа пролежала Смерть в полусознательном состоянии на тротуаре в Конном переулке. Пред нею мелькали расплывчатые лица заботливых пешеходов и подхваченные ветром листья; из неразличимой дали доносились смутные голоса, сигналы автомобилей и вой сирен. Солнце кружилось по небу неукротимой каруселью. Но вот оно стало меркнуть, и вскоре Смерть погрузилась в непроницаемый мрак.

В сознание пострадавшая пришла в реанимации городской клинической больницы. Вокруг неё толпился десяток любопытных врачей, они о чём-то перешёптывались и с интересом разглядывали новую пациентку.

– При ней не оказалось никаких документов, – шёпотом сказал один из докторов, – ни паспорта, ни служебного удостоверения, ничего. В общем, пока не удалось установить личность пострадавшей.

– Скорее всего, она обычная бродяжка, – сказал другой доктор, протирая свои очки носовым платком. – Вы сами видели, в каком пыльном тряпье её к нам доставили.

– Господа, допустим, что она бродяжка, – сказал третий доктор. – Однако прошу заметить, что мы имеем дело с феноменом: температура её тела четыре градуса по Цельсию. Чтобы это понять, мне пришлось использовать комнатный термометр.

– Я пг'едлагаю сделать ей пг'омывание, – прокартавил четвёртый доктор.

– Вы думаете, это будет способствовать повышению температуры? – спросил пятый.

– Я думаю, это понизит уг'овень сахаг'а в кг'ови, – ответил четвёртый.

– Почему вы так уверены, что у пациентки повышен сахар? Ведь мы ещё не брали у неё кровь на анализ, – спросил шестой доктор.

– Говог'ят, она ела могоженое, – не колеблясь ответил четвёртый. – Так что, господа, наилучшим сг'едством будет пг'омывание.

– А мне кажется: у пациентки педикулёз, и этим объясняется её низкая температура, – предположил седьмой доктор. – Необходимо её внимательно осмотреть, и если предположение подтвердится, нам понадобится бритва.

– Я согласен с Графионом Романычем, сделаем ей промывание, – подумав, сказал первый доктор. – Промывание, коллеги, никогда не повредит.

В эту минуту Смерть, открыв глаза, приподнялась с постели. Холодное сияние исходило от её серебристых волос, у неё сильно кружилась голова, фигуры врачей неясными формами плыли в глазах.

– Нет-нет-нет! Что вы делаете? Лежите-лежите, вам нельзя напрягаться. Вы ещё очень слабы, – проговорил второй доктор, заботливо положив руку на ледяное чело Смерти. Недоумевающая Смерть, сморщив белое лицо, хрипящим голосом спросила:

– Где я?

– Вы, голубушка, в больнице, в реанимации, вас сюда недавно доставила бригада скорой помощи, – ответствовал второй доктор, поглаживая Смерть. – В Конном переулке с вами произошёл несчастный случай. Но, слава богу, всё плохое позади, я думаю, в скором времени мы переведём вас в отдельную палату.

– Я – Смерть! – Её глаза грозно сверкнули. – У меня много дел, мне надо работать. – Она оттолкнула доктора, встала с постели и, прикрываясь больничной простыней, пошатываясь, направилась к двери.

– Коллеги, что вы стоите? Остановите её, – вскричал первый доктор. Опомнившись, несколько врачей подбежали к пациентке, подхватили её под руки и снова уложили на койку. Бунтарке ввели лошадиную дозу снотворного.

– Я – Смерть... я – Смерть... – засыпая, бормотала Смерть.

– Да... – задумчиво сказал третий доктор. – Мне кажется, физическая травма сказалась на работе мозга. Вы слышите, что она говорит?.. Это настораживает. Да-а... Завтра же, после промывания, покажем её психиатру.

Пробудившись на следующий день, Смерть обнаружила себя лежащей под капельницей в отдельной палате. Вокруг царил обычная больничная обстановка. На дворе похолодало, мелкий дождик стучал за окном, исполняя унылую песню сентября.

Посоветовавшись, врачи решили не подвергать больную процедуре промывания, заменив её добрым словом и магниезией.

В полдень, осторожно открыв дверь, с чёрной папкой в руке в палату к Смерти бесшумно зашёл Феодорий Максимович Сквозняковский, больничный психиатр. Это был сухопарый старик, в маленьких очках, с седой острой бородёнкой и слегка небрежной причёской. Феодорий Максимович шёл к Смерти на цыпочках; прежде чем сделать новый шаг, он старательно выбирал на полу место, на которое, ничем не рискуя, можно было поставить ногу. Он шёл так до самой койки, словно обходя разбросанные на полу канцелярские кнопки. Однако никаких видимых причин для таких манёвров не было, ибо пол был чист и гладок. Приподнявшись с койки, Смерть изумлённым взглядом смотрела на приближающегося доктора.

Сквозняковский медленно присел на стул возле Смерти, но тут же, вскрикнув, вскочил и стал ощупывать рукою жёсткое сиденье.

– Показалось, – с выдохом проговорил он и, положив руку на сердце, снова сел на стул. Он нелепо хихикнул и, глядя в потолок, стал стучать длинными пальцами по чёрной папке, которую положил на колени.

– Добрый день! – широко улыбаясь, сказал Сквозняковский и лукаво посмотрел на Смерть. – Меня зовут Феодорий Максимович Сквозняковский, я пришёл, чтобы с вами познакомиться...

Смерть подозрительно на него посмотрела.

– Скажите, пожалуйста, а как вас зовут? – спросил Сквозняковский, продолжая стучать пальцами по папке. – У вас ведь есть имя?

Смерть молчала.

– Не хотите говорить? Ну хорошо, понимаю. – Феодорий Максимович подмигнул, усмирил беспокойные пальцы и перешёл на шёпот: – Хочу вам сказать, что я всё уже знаю, мне всё рассказали. Смерть, да? У-у, как это интересно. Не думал, что когда-нибудь встречусь со смертью вот так, здесь. Я думал, что, когда это случится, когда придёт моё время, мне будет страшно, очень страшно, однако вы совсем меня не страшите. Признаюсь, я себя не готовил к такой ситуации, никогда, я думал, всё будет по-другому. – Сквозняковский засмеялся

и радостно хлопнул в ладоши. – Кстати, скажите, а скоро? Или ещё поживу? Хотя – нет-нет! – не говорите, ни в коем случае, даже если буду просить, буду умолять, не говорите, не стоит мне этого знать. Просто я в этом году очень часто болею и у меня появились кое-какие опасения... Впрочем, всё вздор, всё пустое. Я думаю, мне надо больше отдыхать, и всё будет в порядке... Праздники, праздники, нам нужны праздники, а до ближайшего праздника ещё около двух месяцев, это очень долго. Человек хиреет без праздников, сминается, как бумага, он будто уходит в болезненный мрак, где киснет, как капуста, большая зелёная капуста... Знаете, каждый год я жду не дождусь дня, когда увижу список праздников на следующий год, и пока я не увижу этого списка, я живу с ощущением, что моей головы нет на моих плечах. Да, именно так. Я просыпаюсь утром, открываю глаза и понимаю, что не ощущаю собственной головы. Главное, я понимаю, что глаза смотрят, значит, сидят внутри, и по логике выходит, что есть голова, но я не ощущаю её на плечах. Если её нет на плечах, получается... получается, она в другом месте... Но где? И лишь только мне стоит взять себя за нос, я понимаю, что она на месте, на своём законном месте. И всё из-за праздников. Если бы я увидел список раньше, такого бы не было... Ну что, так и не скажете и словечка? Упрямица, упрямица... Хорошо, давайте немного поработаем. Видите эту чёрную папочку? В ней лежит кое-что, что поможет нам лучше понять друг друга. Обычно я пользуюсь зелёной папкой, но специально для нашей встречи взял чёрную, потому что слышал, что вам приятен этот цвет. – Сквозняковский медленно открыл папку, достал карточку с изображением двух овец и поднёс её под самый нос Смерти, которая, сокрушённо опустив голову, тощей рукою прикрыла глаза. – Голубушка, что такое? Вы не расстраивайтесь, я только покажу вам несколько карточек, и мы расстанемся хорошими друзьями. Посмотрите, кто это у нас? Кто? Овечки, две хорошие белые овечки, милые овечки на зелёном лугу. Что сказала одна овечка другой овечке? Ну? Ну? Бе-е-е! Бе-е-е! Ведь это так просто.

Сквозняковский достал вторую карточку, за нею третью, потом четвертую – так продолжалось более часа. Сквозняковский показывал карточки, утомлённая Смерть молчала и терпела, тая смертельную волю и превосходство.

Завершив диагностику, Феодорий Максимович упрятал в папку карточки, медленно встал со стула, настороженно посмотрел на сиденье и, не совершая более никаких изворотов, шаркая, вышел из палаты.

Только Сквозняковский вышел, как в палату, держа в руках банку с красными пионами, живой походной вторглась молоденькая медсестра. Положив цветы на тумбу, она склонилась над Смертью и с улыбкою ей шепнула:

– Это вам от поклонника. – Тонкой ручкой она погладила нежные лепестки, окунула в них свой подвижный носик, мечтательно вздохнула и удалилась. Смерть что-то пробурчала и отвернулась к стене. Через минуту цветы завяли.

Вечером, после ужина, Смерть сидела в больничном коридоре, кушая черносливы в шоколаде, и бесцветным взглядом смотрела в окно на облетающую берёзу. Мелкие капли осеннего дождя быстро бежали по стеклу.

– Добрый вечер! Я вам не помешаю? – присаживаясь рядом со Смертью, сказал маленький старичок; в руке у него был приглушённый радиоприёмник. Смерть бросила на него надменный взор и снова уставилась в окно.

– Погода сегодня хмурая, – продолжил старичок, тоже посмотрев в окно. – Вон как ветер берёзку дёргает, не жалеет совсем. А вчерась лучше было, солнце светило... Скажите, а вам цветочки как, по нраву? Я сам не стал заходить, думал: отдыхаете. Танюшку попросил. Она девчушка хорошая, не отказала. Говорит: Иван Матвейч, не волнуйтесь, я всё сделаю, отнесу, скажу, всё будет как надо. И не обманула сестричка. Хорошая девчушка, добрая. Я-то всё думал, какие вам цветочки подарить, но так и не порешил. Потом сынку позвонил, говорю ему: Сенька, присоветуй старику, не знаю, что и делать, привези, говорю, мне цветов хороших, да чтоб поярче, попышнее. Вот он пиончики-то и привёз. Говорит, они сейчас ходкие, дамам

нравятся. – Старик поглядел на Смерть, которая, словно каменный истукан, сидела на стуле, не отрывая глаз от окна. Старик вздохнул, почесал в затылке и снова заговорил: – Я-то как сюда попал. Шёл, значит, я переулком, за хлебом шёл, и тут передо мной котяра дорогу перебежал, чёрный-чёрный, ни одной светлой точки на нём нет. Ну, ясное дело, лихо. Я постоял-постоял, думаю, не, так меня не возьмёшь, и в обратку пошёл, думаю, с другой стороны к магазину подойду, и всё ладно будет. Иду, значит, двором, тихо кругом, ни котов, ни человек. Я, значит, за угол завернул, а там темно, света не видать, и я ногою в кирпич... Да, порядку нету. Кирпичи по дворам лежат, коты где хотят бегают... Зато у нас с демографией, говорят, дело в гору пошло: в новостях объявили, что люди помирать перестали, не мрут, и всё, уж второй день, говорят. Странно как-то. С чего бы это?

– Иван Матвеич, на процедуру, – крикнула старику медсестра.

– Иду, иду, уже иду, – вставая, проговорил старик и, в последний раз взглянув на Смерть, сказал: – Всего вам наилучшего. Выздоровливайте. Благодарствую за беседу.

Прихватив шуршащее радио, он, вздыхая, заковылял по коридору.

Через две недели Смерть выписали из больницы. Накинув на себя чёрную мантию, она продолжила свою печальную деятельность (печальную для нас), прерванную волей несчастного случая. Она ходила по миру, махая призрачной косой, однако сворачивать в Конный переулок побаивалась. Спустя много лет Смерть всё же решилась туда свернуть. Она шла осторожно, поглядывая на окна окружавших её домов.

В это самое время в Конном переулке Башорат Хусанович Штукатурдиев, вступивший в бригаду водопроводчиков, открыл канализационный люк.

Вечером Смерть очнулась в реанимации.

Две музы

Было раннее утро. Солнце только поднималось из-за восточных холмов. В ожидании музы поэт Юрий Кафельков, со скукой во взоре, крутился на стуле, складывал губы трубочкой, звучно выдувал воздух и почёсывал затылок, смотря то на часы, то на потолок. Перед ним лежали гусяное перо, чернильница и белоснежная бумага, готовая принять плоды душевно-умственных трудов.

Кафельков принадлежит к той породе поэтов, которые по каким-то причинам вечно бегают в заколдованном круге перспективы и не ведают из него выхода. Перо и чернильница отвлекают его от этой неутешительной действительности и позволяют ощущать себя хранителем традиций, лелеющим поэтические колоссы золотого века.

Тем, кто не знает, что такое вдохновение, вкратце об этом расскажу.

Вдохновение есть незримый, духовно-энергетический продукт, производимый божественной музой; продукт, необходимый для активации автономных частей творческого центра сочинителя.

Божественные музы, являющиеся производителями вдохновения, делятся на три категории.

Музы первой категории – это музы вольные, обитающие в природе. Сочинитель, обладающий необходимыми навыками, без труда приручает этих чудесных созданий.

Музы второй категории – это музы прирученные, они имеют с сочинителем душевно-родственную связь и присутствуют в его жизни добровольно, без каких-либо условий.

Музы третьей категории значительно отличаются от муз первой и второй, ибо связаны с сочинителем определёнными обязательствами, которые прописаны в контракте о сотрудничестве. Контракт вступает в силу после оплаты сочинителем услуг, которые в указанный им срок будет исполнять нанятая им муза. Оплачиваемые музы являются сотрудниками Бюро «Вдохновение», специально созданного для помощи сочинителям, не умеющим должным образом приручать вольных муз.

Рассмотрим некоторые моменты контракта о сотрудничестве.

Контракт о сотрудничестве

Обязанности сторон (Заказчик и Исполнитель)

Исполнитель обязуется:

1) Иметь приглядную внешность, соответствующую вкусу Заказчика.

2) Использовать парфюмерные средства на его выбор.

3) Являться к Заказчику в условленное место в условленное время.

4) Производить энное количество вдохновения, необходимое Заказчику для реализации творческого замысла.

5) Не задавать глупых вопросов, не помогать Заказчику советами, а также не критиковать результаты его работы.

6) Не теревить лиру и не издавать в процессе сочинения посторонних звуков (свист, зевота, икание, сопение и пр.).

7) В целях чёткого приёма вдохновения не удаляться от Заказчика на расстояние более трёх метров.

8) Во избежание гнева и зависти, не говорить Заказчику об успехах других сочинителей.

9) Улыбаться по мере возможности.

** Исполнитель не несёт никакой ответственности за отсутствие у Заказчика каких-либо способностей.*

Заказчик обязуется:

1) Осуществлять оплату услуги до её оказания.

- 2) Ожидать Исполнителя в условленном месте в условленное время.
- 3) Не подмигивать Исполнителю и не задавать ему вопросов о личной жизни.
- 4) Не предлагать Исполнителю кофе с круассанами в качестве оплаты за следующий сеанс.
- 5) Не гневить Бога.

Юрий Кафельков был в числе тех сочинителей, которые (за неимением приручающих способностей) пользуются услугами муз третьей категории. Нельзя сказать, что Кафельков даже не пытался воздействовать на этих божественных существ, обитающих в природе. Нет. Он неоднократно – особенно по весне – совершал прогулки по живописным уголкам, где обычно селятся музы, и пытался их обаять. Однако все его попытки не возымели успеха – музы морщились, кривили носы и отлетали в сторону. После ряда неудач Кафельков обратился в Бюро «Вдохновение», где его любезно приняли и заключили с ним контракт.

Первой музой Кафелькова была Лейла Огнетушиева, восточная красавица в платье из синего тюля. Глядя на неё, Кафельков пробудил внутри себя Митю Карамазова и нарушил условие договора, горячо и весьма «недружественно» подмигнув своей музе. Исполнитель настоял на разрыве всех договорённостей.

Спустя некоторое время Кафельков заключил с Бюро новый контракт. Аурелия Коко, муза, назначенная организацией для работы с поэтом, не появилась в условленном месте в условленное время. Вскоре стали известны причины её неявки: Аурелия, влюбившись в духа финского озера, покинула Бюро и отправилась в северные широты к своему возлюбленному.

Организация, принеся Кафелькову извинения, сделала для него скидку и направила к нему новую музу. На сей раз не возникло никаких преткновений. Поэт был удовлетворён. Евгения Шиш на многие годы стала наёмной музой Юрия Кафелькова.

Итак, как прежде было сказано, в ранний, утренний час, когда на востоке только поднималось солнце, поэт Кафельков находился в ожидании музы. Не зная, чем себя занять, он выделывал несуразные жесты и гримасы. Когда первые лучи солнца осветили макушки городских высоток, в квартире поэта появилась она – муза третьей категории Евгения Шиш.

Повиснув в воздухе под потолком, она натужно улыбнулась Кафелькову и вяло щипнула пару струн на золотой лире в знак приветствия. Её сонные глаза лениво смотрели на поэта. Ей очень хотелось спать. Однако же она всё-таки явилась, ибо не была одной из тех безответственных муз, склонных к нарушению договора.

На Евгении было тёмно-зелёное платье и янтарное ожерелье. Она была изящна, красива и уже одним своим присутствием пробуждала творческую мысль. Кафельков делал над собою большие усилия, чтобы не повторить прежней ошибки, допущенной им в период первого договора с Бюро.

– Здравствуй, Женечка! – улыбаясь, сказал Кафельков. – Не выспалась сегодня?

– Доброе утро! Я, Юрий Иванович, сегодня в ночь работала, – ответила муза, прикрывая ручкой зевоту. – Вчера под вечер пришёл в наше Бюро один человек, сын какого-то министра, и сказал, что почувствовал в себе пробудившийся талант. Ну что, руководители фирмы тотчас оживились и составили с ним договор. Я стала его музой. Ох, вы и не представляете себе, Юрий Иванович, как я измучилась! Я провозилась с ним до утра. Я подносила ему вдохновение со всех сторон, но никакого результата, он не написал ни одной строчки. Одна морока. Ох... Я обслуживаю шестнадцать человек ежедневно, и это так утомляет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.